

ДМИТРИЙ ЛЫСКОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

5

ПЯТЫЙ РИМ

ДМИТРИЙ ЛЫСКОВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2017

УДК 329.1/.6
ББК 63.3(2)53
Л 88

Оформление переплета М. Левыкина

Лысков Д. Ю.

Л 88 Политическая история Русской революции. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2017. — С. 432.

ISBN 978-5-9908265-8-8

Перед вами научно-популярная работа, на широком историческом и статистическом материале освещающая вопросы зарождения и развития революции в России. Экономика, тесно переплетенная с политикой и вопросами качества государственного управления, история общественной мысли, доктрин и идеологий, как государственных, так и оппозиционных, история движений и партий, — либеральных, монархических, националистических, коммунистических; их борьбы и взаимодействий.

Такого вы еще не видели. Такого вы еще не читали. Это — политическая история Русской революции.

УДК 329.1/.6
ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-9908265-8-8

© Лысков Д. Ю., 2017
© Издательство «Пятый Рим»™, 2017
© ООО «Бестселлер», 2017

От автора

Сегодня говорить о революции в России начала XX века особенно сложно. Переосмысление ценностей, сопровождавшее крушение СССР, создало в массовом сознании свой совершенно особенный фон, игнорировать который больше невозможно. Он сам стал фактором истории и политики, фактором, который вне исторического контекста определяет канву дискуссий.

25 лет назад в нашем обществе произошли тектонические изменения. Далекая от идеала непредвзятости, но в целом последовательная советская историография подверглась тотальному разгрому. Государствообразующий «Великий Октябрь, имеющий всемирно-историческое значение», превратился в «Октябрьский переворот, осуществленный кучкой беспринципных заговорщиков». Общество успело пройти этап острого самоуничужения и где-то даже сладостного в своей горечи разрушения прежних идеалов. Романтизированные комиссары в пыльных шлемах оказались кровавыми маньяками, планы электрификации всей страны и индустриализации – разработанными еще при царе, всеобщая ликвидация безграмотности – мифом. И даже Великую Отечественную войну спровоцировали сами большевики, чтобы разжечь пожар мировой революции.

Люди успели с головой уйти в ностальгию по «России, которую мы потеряли», тем более что в первое время после крушения Советского Союза новая российская власть всерьез пыталась черпать легитимность именно из дореволюционного периода, провозглашая возвращение на «столбовую дорогу цивилизации», с которой увел нас большевистский эксперимент. В те голодные годы было куда удобнее, чтобы вместо опасных мыслей о ситуации в стране люди размышляли о жизни, которая была бы сегодня, не изведи

большевики под корень всех благородных аристократов, меценатов-буржуа, предприимчивых купцов и справных хозяев в деревне. Подсчет балыков, сортов сыров и видов колбас на прилавках Петрограда и Москвы оказался делом увлекательным, тем более что выяснилось – каждый рабочий мог в 1913 году питаться чистым мясом, чего не могла позволить себе в 1991-м основная масса населения.

Вскоре, правда, пришло осознание, что «столбовая дорога цивилизации», как представляли ее в то время, совершенно мифична, идеи возвращения в дореволюционный «золотой век» абсурдны, представления о нем отрывочны и не всегда верны, а последовательная демонизация целого периода собственной истории ведет обновленную Россию вовсе не в дружную семью европейских народов, а в третий мир и к утрате национальной идентичности. Маятник, до предела качнувшись в одну сторону, начал движение в другую: в массовом сознании все четче стала проявляться ностальгия по советской сверхдержаве и ее положению в мире.

Но это не было возвращением назад, в СССР. Советская сверхдержава при этом удивительным образом утратила основные и определяющие черты, ранее, в предыдущем цикле, ставшие объектом уничтожающей критики. Не был воспринят вновь ни марксизм, ни ленинизм, остались вне изучения и обсуждения вытекающие из коммунистической идеологии концепции и практики государственного строительства и международной политики. Напротив, они были подвергнуты очередной ревизии, с учетом только что пройденного этапа. Оказалось, что СССР был построен вопреки марксистской теории, Сталин уничтожил разрушителей страны – «ленинскую гвардию», исправил ошибки революции, собрал земли исторической России и возродил империю.

Будем объективны, такая трансформация образа государства, — «лишнее» отбросить, полезные (в сложившейся ситуации) черты выделить, — была исключительно конъюнктурной, она не преследовала цели вернуться к объективному изучению истории этого периода, а лишь создать образ страны, который вписывался бы в рамки существующей идеологии. Нет худа без добра, на первых порах, по крайней мере, удалось уйти от полного отрицания 70-летнего периода отечественной истории, создать возможности осторожного его обсуждения. Появился шанс пробросить мостик преемственности от Российской империи к советской державе. Другое дело, что вскоре, под влиянием многих факторов, представления об утраченном «золотом веке» переместились из дореволюционного периода во времена противостояния двух сверхдержав. Размышления о колбасе утратили свою актуальность, вершиной российской государственности были названы времена, когда СССР определял политику половины земного шара.

Важно подчеркнуть, что речь сейчас идет не о правильности или ошибочности тех или иных оценок, а о комплексном понимании причин и следствий, которые сделали возможным то или иное положение страны. И здесь объяснения из цикла «Сталин возродил империю» совершенно аналогичны тезисам о большевистском эксперименте, сбившем Россию с магистрального пути развития. То есть к реальному пониманию исторического процесса они нас не приближают, являясь не более чем идеологическими конструкциями, причем вырастающими одна из другой на разных этапах спора об исторической идентичности.

Во второй декаде XXI века оценки исторических событий становятся все более осторожными, что на фоне радикализма 1990-х воспринимается чуть ли не как масштабная переоценка всей государственной позиции по отношению к веку XX. Но мы вновь говорим не о прошлом, мы ходим по кругу в настоящем. Даже под-

нимая вопрос о национальном примирении и окончании идущей в обществе гражданской войны между «красными» и «белыми» (характерно, что 30 лет назад о такой войне никто ничего не слышал), мы на самом деле подразумеваем лишь смягчение противоречий между апологетами чрезмерно радикальных оценок исторических событий из 1990-х — и их подчас не менее радикальными оппонентами. Причем и первые здесь совсем не монархисты, и вторые далеко не пламенные революционеры-ленинцы. И спорят они, если вникнуть в суть полемики, о путях развития страны после 1991 года, а не о событиях 1917-го.

Каждый из пройденных в последние 25 лет этапов оставил в общественном сознании свой след. По-прежнему жив «красный миф», существовавший с различными вариациями все 74 года советской власти. С ним соседствует возникший в качестве антитезы «белый миф». Оба они с определенного момента удивительным образом пересекаются с монархическими идеями. Представления о нищей лапотной России соседствуют с образом «России, которую мы потеряли».

В итоге на сегодняшний день Николай II канонизирован, Ленин демонизирован (но увековечен в каждом из российских городов, и снос памятников ему у соседей воспринимается исключительно негативно), лидерам Белого движения установлены мемориальные доски, Сталина называют красным монархом. И одновременно министр культуры РФ напоминает, что нас ждет большой юбилей — 100-летие Великой российской революции.

Дело давно не в том, насколько такое положение вещей соответствует выводам исторической науки. А в том, что именно этот конгломерат спорных и подчас совершенно несовместимых оценок, возникших в общественном сознании лишь в последнюю четверть века (что с исторической точки зрения — буквально миг), и является пока единственным пространством для общественной дискуссии по историческим событиям XX века.

Единственный способ разорвать этот порочный круг – предпринять еще одну попытку скрупулезно, шаг за шагом проанализировать, что же произошло с нашей страной 100 лет назад. Попытку непростую настолько, насколько вообще непросто идти против окрепшего в массовом сознании фона, – или сложившегося пространства дискуссии, – по этому вопросу.

Введение

Можно возлагать вину за революцию на либеральное крыло Государственной думы, можно на заговор аристократии, на проiski большевиков или действия британской, германской и иных разведок. Но с точки зрения теории заговора очень сложно объяснить всю череду революционных событий, потрясших Россию. Пусть в Октябре Ленин захватил власть на деньги кайзеровского Генштаба, пусть даже либералы в Феврале устроили беспорядки, выполняя директивы Лондона, но кто и с чьей подачи устроил революцию 1905 года? Конечно, исторические беллетристы и тут видят руку Японии, но, согласимся, Россия в таком случае превращается в какой-то проходной двор, где иностранные спецслужбы творят, что хотят, а государство совершенно недееспособно. Стоит ли ради таких выводов городить огород, учитывая, что основной смысл обращения к конспирологии — объяснить, что революция не имела внутренних причин, страна была сильна, а власть крепка и уважаема в народе?

Тем более что объяснений требуют не только революция 1905 года, но и рабочие выступления самого начала XX века, и масштабные крестьянские волнения второй половины XIX века (десятки тысяч человек, с охватом целых уездов), для подавления которых раз за разом приходилось применять войска.

Конечно, и эти события при большом желании можно объяснить какими-нибудь происками каких-нибудь сил, но происками неких сил, как показывает практика, можно объяснить вообще все, включая всю историю России. Ведь и Петра I, по мнению ряда авторов, нам подменили во время Великого посольства. Куда там большевикам с их «экспериментом» — над Россией, оказывается, экспериментировали столетиями, меняя монархов, вектор развития, социальный строй...

Но если отвлечься от конспирологических теорий, приходится признать, что в стране происходили некие процессы, пока обозначим их просто как «тревожные». Существуют свои аргументы за то,

что это были элементы единого революционного процесса, или совершенно разные всплески революционной активности, или даже просто бунты, сколь беспощадные, столь же и бессмысленные. Это — тема дальнейшего разговора. Пока лишь отметим, что если с регулярностью в 10–20 лет в государстве происходят серьезные эксцессы, а затем его потрясают три идущие одна за другой революции, было бы верхом абсурда не проследить возможные причинно-следственные связи в работе, посвященной этой теме.

А значит, хронологические рамки нашего исследования раздвигаются как минимум до второй половины XIX века. Нам придется заново познакомиться с жизнью Российской империи, причем настолько полно, насколько это возможно в рамках одной работы.

Весь первый раздел посвящен разным аспектам жизни государства, от экономического развития и внутренней политики до внешней экспансии и трансформации системы права. Естественно, это не будет сухим перечислением цифр и фактов — ведь нужно же разобраться, как царское правительство отвечало на вызовы времени, проводил ли Николай II индустриализацию, как менялись бытовые условия жизни населения, был ли поставлен в дореволюционные времена вопрос ликвидации безграмотности — и во многом другом. А шире — поставим вопрос о развитии общественной мысли империи, о концепциях государственного строительства, эволюции экономических стратегий, попробуем разобраться, какой социально-экономический строй существовал в дореволюционной России и насколько оправданно сегодня его называют капиталистическим. Наконец, проследим эволюцию революционных идей и оценим социальную базу, из которой выходили и на которую опирались революционеры.

И лишь получив эту исходную информацию, во втором разделе обратимся собственно к событиям начала XX века. Мы попытаемся разобраться, какие вопросы ставила революция, насколько разными и насколько сходными они были в 1905-м, феврале и октябре 1917-го. Как трактовали происходящие в России процессы различные политические силы, насколько их трактовки соответствовали реальному содержанию момента и насколько определяли дальнейший ход событий.

ВВЕДЕНИЕ

Отдельный важный вопрос – действительно ли страну потрясли три последовательные революции или перед нами все же элементы одного развивающегося процесса? По каким критериям революции были разделены и насколько эти критерии универсальны?

Мы предпримем попытку выделить основной вопрос революции. И, отталкиваясь от него, выяснить, когда же она началась – и когда закончилась. Выводы могут оказаться неожиданными. Но для того мы и рассматриваем переломные и определяющие для страны события на столь широком историческом материале, чтобы разобраться в сути произошедшего.

Мы 100 лет жили под вопросом революции. Пора переходить к ответам.

Раздел 1

**Социально-
экономические
предпосылки**

ЧАСТЬ 1

Россия в статистических исследованиях

Глава 1

Империя в цифрах ИСТИННЫХ И МНИМЫХ

В этой работе мы не раз будем обращаться к количественным оценкам тех или иных сторон жизни Российской империи – от динамики развития промышленности до демографических показателей. Между тем государственная статистика рассматриваемого периода до сих пор вызывает немало дискуссий, подчас весьма жарких, и в публицистике, и в исторических кругах.

С одной стороны, цифрам мы привыкли доверять, даже абсолютизировать их значение по сравнению с другими источниками. Так, публицист Леонид Радзиховский в колонке в «Российской газете» размышляет: «Всегда интересно как-то оценить “путь России” в течение последних 100 лет. Обычно такие общие оценки сводятся к эмоциональной и пустопопорожней болтовне, с вечным поиском виноватых и проповедями заранее известных спасительных истин. Но есть способ избежать соблазна таких детских игр. Для этого нужно обращаться не к эмоциям, а к ФАКТАМ И ЦИФРАМ» [1].

С другой стороны, еще совсем недавно пресса наполнилась уверениями, что вся советская статистика является лживой насквозь, в луч-

шем случае полной приписок и отражающей спущенные «сверху» плановые, а не реальные показатели. А в худшем – намеренно искаженной в угоду идеологическим и конъюнктурным соображениям. Конечно, такая точка зрения слишком отдает идеологической заданностью, но ведь действительно, к примеру, население Российской империи в 1913–1914 годах в советских источниках оценивалось в 165,7 млн человек [2] (и отсюда, кстати, оценка перекечевала в современные таблицы Росстата [3]), а по дореволюционным – в 174 млн человек [4].

Разница в 8 млн подданных является существенной сама по себе, а если поместить это расхождение в контекст непрекращающегося спора о демографическом всплеске в России начала XX века (яркое, по мнению ряда авторов, свидетельство растущего благосостояния народа), можно представить себе, сколько копий в последние годы было сломано вокруг этих данных.

Действительно, цифра в 165,7 млн была еще в 1930-е годы *выведена* советскими демографами [5], причем как раз в заочной полемике со статистиками Российской империи, которые, по мнению первых, существенно завышали показатели народонаселения. Но есть у этого числа и очень близкий аналог в официальной статистике дореволюционного государства. Первые данные (174 млн) принадлежат Центральному статистическому комитету МВД. А Управление главного врачебного инспектора МВД доказывало, что цифры завышены, а «население всей Империи 166.650.000» [6].

Две структуры Российской империи, и даже относящиеся к одному и тому же ведомству, давали существенно разные оценки народонаселения страны – расхождение в 7,5 млн человек.

Ситуация становится еще интереснее, если обратиться к данным, которые собирали другие государственные ведомства. Так, в Сборнике статико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия империи численность населения в 1913–1914 годах оценивалась следующим образом [7]: Европейская Россия (51 губерния) – 131 796 800 человек; Привисленские губернии (Польша) – 12 247 600; Кавказ –

13 229 100; Сибирь – 10 377 900; Средняя Азия – 11 254 100; Финляндия – 3 277 100. Итого: 182 182 100 человек.

Сравним эти данные со сведениями Центрального статистического комитета МВД: всего населения по 51 губернии Европейской России – 125 683 800 человек [8]; по Привисленским губерниям – 11 960 500 [9]; по Финляндии – 3 196 700 [10]; Кавказу – 12 512 800 [11]; Сибири – 9 788 400 [12]; Средней Азии – 10 957 400 [13]. Итого: 174 099 600 человек.

И если бы дело касалось только численности населения! Не меньше вопросов вызывает, например, сельскохозяйственная статистика. Так, данные по урожаям конца XIX – начала XX века от ЦСК МВД и Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия отличались подчас на 10–20, а в отдельных случаях и на 25 % [14]. Что позволяло еще дореволюционным исследователям ставить вопрос таким образом: «Какова ценность русской текущей урожайной статистики с точки зрения исследователей, интересующихся урожаем как валовой суммой продуктов?.. Достигает ли она такой степени абсолютной точности, какая требуется для удачного ведения продовольственной кампании, для правильности расчетов относительно предстоящего состояния хлебного рынка и т. п.? Позволяет ли она вовремя установить в каждый год цифру общего сбора с вероятной ошибкой, не отражающейся серьезно на практических мероприятиях?» [15]

Этот вопрос не был сугубо академическим для дореволюционной России, не является он таковым и для нас сегодня – если, конечно, мы стремимся действительно разобраться в жизни страны и происходящих в ней процессах, а не доказать какой-либо заранее заданный тезис, жонглируя теми или иными «удобными» для изложения цифрами.

Не забудем, что в том числе и на основании статистических данных правительство Российской империи делало выводы о ситуации в государстве и принимало серьезные, а иногда и определяющие решения. Например, ЦСК МВД, резюмируя данные о сборах урожая за 1913 год, констатировало: «Общий остаток продовольственных хлебов за вычетом посева в 88 губерниях простирался в 1913 г.

до 3.868,903,6 тыс. пудов; доля его на соответствующее число жителей, получим на душу населения 22,81 пуда. Остаток этот на 3,51 пуда более среднего за 5-летие 1908–1912 г. и на 2,02 пуда более прошлогоднего. <...> Если принять достаточным для прокормления одного человека в течение года 15 пудов хлеба, то обеспеченными хлебом частями Империи являются в 1913 г. Европейская Россия, Западная Сибирь и Среднеазиатские области» [16]. Нужно ли говорить, сколь велика в данном случае была бы цена ошибки?

Учитывая масштабы разночтений в данных официальной статистики, учитывая ту роль, которую играли численные показатели для управления страной – и играют для нашего дальнейшего изложения, нам не избежать отдельного разговора об истории государственной статистики в Российской империи. В конце концов, должны же мы понимать, какими данными пользовались государственные органы и каким данным можно доверять, а к каким относиться с настороженностью.

- [1] *Радзиховский Л.* Длинная дистанция // Российская газета. Федеральный выпуск № 5237 (158). 20.07.2010.
- [2] СССР. Капиталистический строй // Большая советская энциклопедия. Электронная версия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bsc/129051/%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0> (дата обращения 19.08.16).
- [3] Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт (Официальная статистика \ Население \ Демография \ Численность и состав населения \ Численность населения). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 19.08.2016).
- [4] Статистический ежегодник России, 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1914. Раздел I. С. 58.
- [5] *Сифман Р.И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 62-82 (цит. по: интернет-ресурс «Демоскоп». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/npigi/polka/gold_fund05.html#1 (дата обращения 19.08.16).
- [6] Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Пг.: Управление главного врачебного инспектора МВД, 1915. С. 1.

- [7] Сборник статико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг.: Министерство земледелия, Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, 1917. Раздел I, таблица 1.
- [8] Статистический ежегодник России, 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1914. Раздел I. С. 47.
- [9] Там же. С. 50.
- [10] Там же.
- [11] Там же. С. 53.
- [12] Там же. С. 55.
- [13] Там же. С. 57.
- [14] *Николаевич И.* К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг., 1915. С. 108.
- [15] Там же. С. 107–108.
- [16] Статистический ежегодник России, 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД; 1914. Раздел VII. С. 36–37.

Глава 2

Некоторые особенности познания России

Официальная российская статистика зародилась с реформой государственного управления, проведенной Александром I. В манифесте «Об образовании министерств» от 8 сентября 1802 года, в частности, говорилось: «Каждому министру в конце года подавать Его Императорскому величеству через Правительствующий сенат письменный отчет в управлении всех вверенных ему частей» [1]. Первые попытки собрать сведения о состоянии дел в стране натолкнулись на многочисленные трудности. Так, в 1802 году граф В.П. Кочубей, первый министр внутренних дел, потребовал от губернаторов в шестидневный срок предоставить подробные карты губерний, планы городов и сведения о численности населения, податях,

сельских магазинах, народном продовольствии, фабриках и заводах, городских доходах и о публичных зданиях [2]. Через год, в 1803-м, он подвел некоторые итоги исполнения своего распоряжения: в силу «трудности и необыкновенности предприятия и недостатка многих сведений на местах, работа эта не имела еще того совершенства и точности, какой бы желать надлежало. При всем том сей первый опыт подает основательную надежду, что при подробнейшем объяснении предметов, при замечании на недостатки, в первый раз допущенные, при точнейшем означении вопросов посредством рассылки табелей, и при усердии исполнителей, можно будет достигнуть в сих сведениях более точности и единообразий» [3].

Днем рождения российской государственной статистики принято считать 25 июня 1811 года [4]. В этот день было учреждено Министерство полиции, в составе которого было создано Статистическое отделение, заведующее всем статистическим учетом.

Появление статистического органа именно в составе полицейского ведомства не должно удивлять — на министерство вообще возлагалась ответственность за широкий круг вопросов. Так, например, департамент хозяйственной полиции ведал делами продовольственными и общественного призрения. А кроме того, существовали департаменты полиции исполнительной, полиции медицинской, министерство состояло из медицинского совета и канцелярии министра. Канцелярия, в свою очередь, ведала медицинской и полицейской статистикой, делопроизводством по бумагам, делами об иностранцах, по заграничным паспортам, цензурной ревизией и т. д. [5]

Война 1812 года и ряд реорганизаций (в том числе присоединение Министерства полиции к Министерству внутренних дел) не позволили сбору государственной статистики существенно продвинуться вперед. Ситуация принципиально изменилась в 1834 году, когда кроме Статистического отделения при Совете министра внутренних дел было решено организовать губернские статистические комитеты. Это был существенный шаг вперед, так как, несмотря на все более детальные запросы из столицы (включая конкретные формы статистических ведомостей), ответы губернаторов с мест оставляли

желать много лучшего. И дело тут было даже не в том, что сами губернаторы не обладали требуемыми данными, а в том, что, получая циркуляр из Петербурга, они, следуя бюрократической логике, спускали его ниже, на уездный уровень, оттуда еще ниже, и уже на последних двух уровнях вынужденные исполнители искренне не понимали, что нужно столице, отчего Петербург, губернатор и вообще *все* так взъелись на несчастного исправника, у которого в «хозяйстве» вроде бы все нормально, а от него требуют новой оригинальной отчетности. Не копают ли под его место?..

Создание профильных статистических комитетов хотя бы на губернском уровне, таким образом, означало попытку создания в стране единой централизованной системы государственной статистики.

Но это было совершенно новым вопросом в деле государственного управления, к которому просто не знали как подступиться. А.И. Герцен, которого привлекали к работе вятского губернского статистического комитета, вспоминал: «На комитет и на соби́рание сведений денег не назначалось ни копейки; все это следовало делать из любви к статистике, через земскую полицию и приводить в порядок в губернаторской канцелярии» [6].

Губернский статистический комитет получал из столицы «такие программы, которые вряд ли возможно было исполнить где-нибудь в Бельгии или в Швейцарии; при этом всякие вычурные таблицы с *maximum* и *minimum* со средними числами и разными выводами... с нравственными отметками и метеорологическими замечаниями» [7].

Естественно, комитет запрашивал данные на низовом уровне. «Для того, чтобы показать всю меру невозможности серьезных таблиц, — продолжал Герцен, — я упомяну сведения, присланные из заштатного города Кая. Там между разными нелепостями было: “Утопших — 2, причины утопления неизвестны — 2” и в графе сумма выставлено “четыре”» [7].

Лишь в 1840-х годах, с очередной реорганизацией Статистического отделения, губернским статистическим комитетам было выделено финансирование [8]. Создание комитетов шло медленно. Показательно, что в 1857 году в 20 губерниях и областях (примерно

1/3 из общего числа) они вообще не были созданы, а во многих губерниях существовали лишь на бумаге [9].

Одновременно само Статистическое отделение МВД в 1852 году было реорганизовано в Статистический комитет, а в 1858 году – в Центральный статистический комитет (ЦСК) при Министерстве внутренних дел.

В 1866 году вышел в свет первый выпуск издания Центрального статистического комитета МВД «Статистический временник Российской империи». Он начинался словами: «Уже давно в нашей научной литературе ощущался недостаток такого издания, в котором были бы сгруппированы статистические цифры, относящиеся до целой России и обнимающие, по возможности, все главные отрасли отечественной статистики» [10].

Область применения издания авторы описывали следующим образом: «Такой сборник должен служить не только весьма важным пособием при различных исследованиях... но и необходимою настольною справочною книгой для государственных людей, администраторов и для всей массы образованной публики» [11].

Каждый раздел «Временника» был снабжен собственным предисловием.

Длинные цитаты очень тяжело воспринимаются читателем, но здесь они действительно необходимы. Эти предисловия не просто давали достаточное представление о достоверности и ценности статистических материалов, по большому счету они давали исчерпывающую оценку состояния государственной статистики на тот момент. Для удобства чтения лишь разобьем масштабные текстовые фрагменты на подглавы.

Территория империи

Первый раздел начинался таким пояснением: «Статистика государственной территории имеет, конечно, первостепенную важность... Но, к сожалению, эта отрасль статистики есть одна из самых слабых в нашем отечестве...» [12]

Говоря о методологии расчетов, авторы отмечают: «Вообще, для измерения пространства в России, имеются три источника или способа: 1) цифры, заимствованные из планов генерального межевания; 2) цифры военно-топографических съемок, и 3) планиметрическое измерение пространств по лучшим и подробнейшим картам».

«К первому из сих источников, – продолжают авторы, – мы не нашли возможности прибегнуть в наших таблицах пространства (и населения)... так как цифры генерального межевания, основанные преимущественно на съемках конца прошлого (XVIII. – *Д. Л.*) и начала нынешнего века, при несовершенстве тогдашних инструментов и способов измерения, не очень точны».

«Несравненно лучший источник представляют исчисления военно-топографических съемок, но, к сожалению, съемки эти произведены не во всех губерниях России», – говорится далее.

Таким образом, «для большей части уездов Империи единственным источником определения по-уездных пространств остается планиметрическое измерение их по лучшим и подробнейшим из имеющихся топографических карт. Такое измерение было сделано... известным московским астрономом Швейцером, и цифры его приняты в наших таблицах...»

Но и тут кроется существенная проблема: «Точность последнего способа измерения пространства вполне зависит от точности и подробности карт... К сожалению, карта Шуберта, на которой основаны измерения Швейцера для всей Европейской России, кроме восточной, была составлена в то время, когда еще не были известны многие из ныне в точности определенных астрономических пунктов, а потому очертание уездов далеко не представляет... абсолютной точности, а местами даже было искажено неверною раскраской иллюминаторов. Еще менее точны те карты, на коих были основаны исчисления Швейцера вне пределов Шубертовской карты, как то старая столитовая и карты Западной и Восточной Сибири» [13].

Да, в 1866 году, за 50 лет до революции, государство еще не имело точных представлений даже о своей территории.

Демография империи

Важным разделом статистической информации, собранной специалистами ЦСК МВД, являлись демографические данные. О них предельно откровенно сказано:

«Статистика населения занимает весьма видную часть в нашем Временнике... вследствие первостепенной ее важности... Несмотря на то, на цифры населения, обнародуемые нами в Временнике, не только нельзя смотреть как на абсолютно-верные, ...но даже цифры эти далеко не имеют такой степени точности, какую они представляют в наиболее благоустроенных государствах Западной Европы» [14].

Далее следует значительное по объему описание трудностей при исчислении населения различными методами, привести которое не представляется возможным даже здесь. Причем авторы вольно или невольно все время возвращаются к практике переписей населения в странах Западной Европы, дающих искомую точность и достоверность.

Достоверных данных о численности населения страны государство также не имело.

Производство

Производству посвящен свой раздел «Временника». Читая его, сложно отделаться от впечатления, что в стране мало что изменилось за прошедшие века.

Авторы отмечают, что базовой сферой в России является производство «сырых произведений», то есть сырья, на котором «почти исключительно» основан и «заграничный отпуск Империи», то есть экспорт. Конечно, структура экспортного производства иная, нежели сейчас: «На первом плане в русской производительности стоит земледелие и скотоводство, далее рыбные и звериные промыслы и добыча металлов и ископаемых, и, наконец, промышленность, перерабатывающая сырые продукты, то есть заводская и фабричная» [15].

Но вернемся к оценкам, которые дают своему труду сами авторы исследования: «Самую важной отраслью нашей промышленной статистики была бы, следовательно, статистика земледельческая, — пишут они, — но, к сожалению, наш “Временник” не содержит сведений, непосредственно к земледелию относящихся. Это произошло от того, что мы не могли выработать никаких полных по всей России числовых данных по земледельческой статистике» [16].

No comments...

Напротив, данные о добыче металлов и иных полезных ископаемых и по их переработке (горная промышленность) вполне точны. Объяснение этому факту самое простое: обложение перерабатывающих заводов пошлиной и контроль за ее взиманием со стороны правительственных агентов [17].

Статистика фабрично-заводской промышленности относится к лучшим в случае, если речь идет об акцизных заводах (взимание акцизов дает точную информацию), и куда худшей, как только речь заходит о предприятиях, не обложенных акцизом. «Здесь все представляемые нами сведения основаны на собранных, в недостаточно полной и недостаточно однообразной системе, бесконтрольных показаниях самих производителей о ценности произведений их фабрик», — пишут авторы «Временника» [18].

Таково было состояние государственной статистики на 1866 год.

* * *

Конечно, положение со временем менялось, совершенствовались методы учета, развивались соответствующие ведомства, самой статистике в государстве уделялось все больше внимания. Так, например, менялось положение с картографированием империи и, соответственно, исчислением государственной территории. Определенное представление об этом процессе дают пояснения к табличному материалу из «Статистического ежегодника» 1913 года. В сравнении с материалами «Временника» определенный прогресс налицо: «Данные этой таблицы для всей территории России, кроме Кавказа, заимствованы из труда генерал-майора И. Стрельбиц-

кого «Исчисление поверхности Российской Империи в общем ее составе в царствование Императора Александра III...» Издание 1889 года» [19].

* * *

Сельскохозяйственная статистика (основной экспортный продукт страны) претерпевала изменения. Во второй половине XIX века ЦСК МВД и Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия, каждый по своим каналам, предпринимали усилия по сбору сведений о посевных площадях, урожайности, обеспеченности деревни орудиями труда, о поголовье сельского скота (данные также собирало Ветеринарное управление МВД империи). Значительную помощь в определении конкретно конского поголовья оказали регулярно проводившиеся с 1880 года военно-конские переписи.

* * *

Наконец, в 1897 году в Российской империи была проведена первая всеобщая перепись населения, на которой специалисты ЦСК настаивали десятилетиями. Это был действительно эпохальный прорыв в статистических исследованиях. Но вопросов по-прежнему оставалось множество, как и проблем и споров о достоверности тех или иных данных.

- [1] История российской государственной статистики: 1811–2011 / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 7.
- [2] Там же. С. 8.
- [3] *Плошко Б.Г., Елисеева И.И.* История статистики. М.: Статистика, 1990 (Электронная версия, 1 файл .docx).
- [4] История российской государственной статистики: 1811–2011 / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 5.

- [5] Министерство полиции // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Электронная версия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgaуз_efron/67690 (дата обращения 21.08.16).
- [6] *Герцен А.И.* Былое и думы (Электронная версия, 1 файл .fb2).
- [7] Там же.
- [8] *Плошко Б.Г., Елисеева И.И.* История статистики. М.: Статистика, 1990 (Электронная версия, 1 файл .docx).
- [9] История российской государственной статистики: 1811–2011 / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 39.
- [10] Статистический временник Российской империи. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел; 1866. С. 1.
- [11] Там же.
- [12] Там же. С. V.
- [13] Там же. С. V–VI.
- [14] Там же. С. VII.
- [15] Там же. С. XXII.
- [16] Там же.
- [17] Там же. С. XXV.
- [18] Там же. С. XXVI–XXVII.
- [19] Статистический ежегодник России, 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1914. Раздел I. С. 26.

Глава 3

Статистика: от предположений к фактам, от фактов к предположениям

В 1897 году в Российской империи была проведена первая всеобщая перепись населения. Как подготовка, так и обработка материалов по объективным причинам (с такими масштабами не сталкивалась ранее ни одна развитая страна) были чрезвычайно сложны.

Результаты переписи публиковались отдельными тетрадями с 1897 по 1905 год, в том же году свет увидел двухтомный обобщающий труд «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения».

Значение этих материалов невозможно переоценить, впервые в истории страны были получены уникальные социально-демографические данные, буквально – портрет империи конца XIX века.

Отметим, что по сей день результаты всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года считаются наиболее достоверным статистическим источником дореволюционного периода. И тому есть существенные причины.

Действительно, Центральный статистический комитет МВД и другие заинтересованные ведомства ежегодно публиковали уточненные данные, мы уже упоминали, например, сведения о численности населения или урожайности сельского хозяйства за 1913 год. Но важно учитывать, что эти материалы являлись *расчетными*.

Так, ЦСК МВД в «Статистическом ежегоднике России» за 1913 год говорит о «росте населения (от естественного и механического прироста)» [1]. В «Статистическом ежегоднике» за 1910 год сказано: «Население Российской Империи, подобно предыдущему году, вычислено на основании цифр населения, полученных переписью 1897 года и ежегодного естественного прироста населения. Механическое движение было принято во внимание, везде, где имелись хотя какие-либо данные по этому предмету» [2].

То есть в оценке динамики численности населения ведомство опирается на данные предыдущих статистических исследований, материалы по рождаемости и смертности, исходящие от губернских статистических комитетов, и на их основе выводит текущие демографические показатели.

Отсюда, от методов исчисления и сомнений в достоверности исходных данных, и происходят многочисленные споры. Вспомним оценку численности населения от Управления главного врачебного инспектора МВД – 166 млн против 174 у ЦСК. Все дело в том, что Управление опиралось на свои данные о рождаемости и смертности и так характеризовало расчеты своих коллег: «Приведенные в табли-

цах... цифры (ЦСК МВД. — *Д. Л.*) являются преувеличенными, значительно превышая сумму цифр населения по переписи 1897 года и цифр естественного прироста за истекшее с переписи время» [3].

Указанная проблема касалась статистики по многим сферам жизни империи. К примеру, уже упоминавшиеся разночтения в оценках урожаев также вызваны различными подходами *к расчету* этих цифр. Например, «величину валового сбора хлебов ЦСК МВД определял путем умножения получавшихся им от волостных правлений сведений о посевной площади... на средний урожай с десятины по тем же категориям земель, который выводился из собиравшихся анкетным путем сведений» [4].

То есть статистики Центрального статистического комитета МВД брали данные о посевных площадях, множили их на показатели урожайности и получали сборы в том или ином году. Естественно, такой метод оценки был крайне зависим от полноты, точности и достоверности поступающих из губерний сведений.

Аналогично действовал и Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия, с той лишь разницей, что в его ведении не было губернских статистических комитетов, он опирался на значительно более редкую сеть добровольных корреспондентов на местах. Соответственно, его материалы отличались меньшей точностью. Отсюда и вопиющие разночтения в оценках урожаев, которые мы видели выше. Притом что *исчисленными* являлись и те, и другие данные, просто с разной степенью достоверности.

Разночтения в данных Министерства земледелия и МВД множились до начала XX века, когда статистики Минземледелия перешли в своих вычислениях на таблицы ЦСК [5].

Завершая разговор о несоответствиях в статистике того периода, отметим еще один немаловажный фактор, относящийся, правда, уже скорее к интерпретациям дня сегодняшнего. Много путаницы в современных публикациях связано со спецификой подачи инфор-

мации в дореволюционных источниках, а также с особенностями территориального деления страны. Продемонстрируем на конкретном примере. Так, в «Статистическом ежегоднике России» за 1913 год ЦСК МВД сказано: «К 1-му января 1913 года численность населения России определяется в 170.902.900 человек, а вместе с финляндскими губерниями, общее население Империи выразится цифрой в 174.099.600 душ обоего пола» [6]. В свою очередь, в издании «Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России» за 1913 год (Управление главного врачебного инспектора МВД) говорится: «Население 50 губерний Европейской России, без киргиз и калмыков Астраханской губернии, по вычислению к середине 1913 года, определяется в 121.780.000, и население *всей Империи* (выделено мною. — *Д. Л.*) в 166.650.000» [7]. Однако ниже из таблиц, которые представлены в работе [8], видно, что речь здесь, несмотря на утверждение «население всей Империи», идет все-таки о численности жителей без Финляндии.

Следует учитывать, что Финляндия, или, точнее, Великое княжество Финляндское, имела совершенно особый статус. Ведь даже в официальном титуле российского императора было сказано «Император и Самодержец Всероссийский», но «Великий Князь Финляндский». Среди российских правоведов вплоть до революции шли дискуссии, рассматривать ли Финляндию как «особое государство», соединенное с Россией «одним скипетром», или как особую, со своими ветвями власти, бюджетом и т. д., но провинцию. Потому в дореволюционных источниках различные сведения об империи чаще всего сопровождались пояснениями — вычислено «без Финляндии» или «с финляндскими губерниями».

В таблицах Управления главного врачебного инспектора МВД Финляндские губернии отсутствуют. Причина, как представляется, проста — у Великого княжества было свое правительство (Сенат), прямо подчиненное императору. Абсолютно сходную ситуацию видим во «Временнике» ЦСК МВД 1866 года: «Особенно поразительным, например, покажется читателям отсутствие статистических сведений о... Великом Княжестве Финляндском. Этот пробел зави-

сит от того, что собственно в Министерстве Внутренних Дел не сосредотачивается никаких сведений о... Финляндии» [9].

Если подходить к вопросу с такой точки зрения, то данные Управления главного врачебного инспектора МВД следовало бы, прежде чем сравнивать с выкладками ЦСК, дополнить примерно тремя миллионами душ. Но уточнение «*население всей империи*» многих сбивает с толку. Разница в подсчетах все равно составит четыре миллиона, но не восемь же.

Советские демографы, еще в 30-е годы XX века выводя число жителей империи в 165,7 млн человек, специально подчеркивали, что речь идет о населении страны без Финляндии [10]. С таким же пояснением оценка перекочевала и в Большую советскую энциклопедию [11]. А вот составители статистических таблиц современного Госкомстата РФ, размещая те же цифры, дают пояснение, способное только еще больше все запутать: «В границах Российской империи» [12].

Еще один яркий пример. В современных публикациях, посвященных первой российской переписи, раз за разом повторяется число населения в 125 640 021 человек – якобы полученное статистиками в результате обработки всех переписных листов. Иногда это число сопровождается пометкой «без Финляндии». Между тем как в отдельных тетрадах, так и в обобщающей работе по итогам переписи фигурирует совершенно другая оценка численности населения империи – 125 680 682 человек [13]. Разница не так велика, но все же...

При подробном рассмотрении становится ясно, что итоговую сумму переписчики получают из данных по 50 губерниям Европейской России – 93 442 864 жителя, Привисленским губерниям (Польша) – 9 402 253 жителя, губерниям и областям Кавказа – 9 289 364, Сибири – 5 758 822, Средней Азии – 7 746 718. Кроме того, учтены подданные, находящиеся в дальнем плавании, в русских поселениях в Бухаре и Хиве, а также «*русское население, подлежащее переписи в Великом Княжестве Финляндском* (выделено мною. – Д. Л.)» [14]. Таковых – 40 661 человек [15].

Вычитая указанные 40 тысяч человек из общей численности населения (не важно, по каким причинам современные авторы делают это – например, сомневаясь в достоверности подсчетов или не относя их к жителям империи на данный момент), получаем искомые 125 640 021. Но при чем здесь «без Финляндии», с ее еще без малого 3 млн жителей? Как раз в этом случае уместнее пояснять «в границах империи», но все равно лучше заранее прояснить позицию по «финскому вопросу» – полагают ли современные авторы Великое княжество Финляндское провинцией империи или особым государством.

Все эти нюансы следует учитывать при обращении к дореволюционной статистике.

- [1] Статистический ежегодник России, 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1914. Раздел II. С. 4.
- [2] Статистический ежегодник России, 1910 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1911. С. 59.
- [3] Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Пг.: Управление главного врачебного инспектора МВД, 1915. С. 1.
- [4] Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Российская Академия наук, Институт российской истории, 1995 (Электронная версия, 1 файл .docx).
- [5] Сборник статико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг.: Министерство земледелия, Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, 1917. Раздел IIА. С. 8–9.
- [6] Статистический ежегодник России, 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1914. Раздел I. С. 58.
- [7] Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Пг.: Управление главного врачебного инспектора МВД, 1915. С. 1.
- [8] Там же. С. 66–67, 98–99.
- [9] Статистический временник Российской империи. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1866. С. V.

- [10] *Сифман Р.И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 62–82 (цит. по: интернет-ресурс «Демоскоп». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html#1 (дата обращения 19.08.16)).
- [11] СССР. Капиталистический строй // Большая советская энциклопедия. Электронная версия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/129051/%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0> (дата обращения 19.08.16).
- [12] Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт (Официальная статистика \ Население \ Демография \ Численность и состав населения \ Численность населения). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 19.08.2016).
- [13] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.1. СПб., 1905. С. III.
- [14] Там же.
- [15] Там же.

Глава 4

Социально-демографический портрет империи

Итак, благодаря первой (и последней) в истории Российской империи всеобщей переписи населения выяснилось, что проживают в стране 125 680 682 человека [1], из них в 50 губерниях Европейской России 93 442 864 жителя, в Привисленских губерниях (Польше) – 9 402 253, в губерниях и областях Кавказа – 9 289 364, в Сибири – 5 758 822, Средней Азии – 7 746 718. В русских поселениях в Бухаре и Хиве, а также в Финляндии («русское население, подлежащее переписи») [2] – 40 661 человек [3].

Соответственно, плотность населения в целом по стране оценивалась как низкая [4], на одну квадратную версту (верста – 1 066,8 метра) территории приходилось в среднем 6,66 человека. Малонаселенной оказалась Сибирь (0,53 человека на квадратную версту), самыми густонаселенными – Привисленские губернии (84,28). Такой показатель, отмечается в своде результатов переписи, приближается к плотности населения западноевропейских государств [5].

В 932 городах Российской империи проживало 16 823 395 человек [6], остальные в сельской местности.

Российская империя была страной молодой, наибольший процент жителей – 27,4 среди мужского населения и 27,3 среди женского – приходился на возрастную группу от 0 до 9 лет. На возрастную группу 10–19 лет приходились 21 % населения среди мужчин и 21,2 % среди женщин. На возрастную группу 20–29 лет – уже 16,3 и 16,2 % соответственно. А далее следовало резкое падение – на возрастную группу 40–49 лет приходилось уже всего 9,4 и 9,2 % населения. На возрастную группу 50–59 – 6,6 % и 6,7 % [7].

Всего 4,3 % жителей как среди мужчин, так и среди женщин относились к возрастной группе 60–69 лет, 1,8 % среди мужчин и 1,9 % среди женщин приходились на группу 70–79 лет. В возрасте 80–89 лет находились 0,5–0,6 % населения и 0,1 % попадал в возрастную категорию «90 лет и выше» [8].

Кроме естественного вывода о молодости нации эти данные наводят и на очень тревожные мысли: подавляющее большинство населения сосредоточено в детской, подростковой и молодежной группах, дальше следует провал... Это может означать нацию не столько молодую, сколько «вечно молодую»: люди успевают вырасти, воспроизвестись и отправиться в мир иной до достижения 40, максимум 50 лет.

По сословному положению население империи распределялось следующим образом: дворяне потомственные – 0,95 %, дворяне личные и чиновники – 0,52 %, лица духовного звания – 0,54 %, потомственные и личные почетные граждане – 0,33 %, купцы – 0,25 %, мещане – 10,65 %, крестьяне – 84,16 %, казаки – 1,54 %, инородцы – 0,45 %, иностранные подданные – 0,27 % [9].

Самым массовым сословием, значительно превышающим по численности все остальные, являлось крестьянство.

На рубеже веков 74,57 % населения империи указали, что занимаются сельским хозяйством (из них 70,27 – земледелием, 3,59 – животноводством), в горной промышленности работали 0,44 % населения, в обрабатывающей – 7,82 %. В сфере строительства были заняты 1,52 %, в торговле – 3,98 %, перевозками занимались 1,55 % населения страны. К «прочим» сферам деятельности переписчиками было отнесено 10,12 %, в том числе 0,76 % на административных должностях, 0,68 % – служители культа, 0,64 % – «свободная профессия» и 4,62 % населения – частная служба, прислуга, поденщики [10].

Православные в империи составляли 69,35 % населения (в Европейской России 81,71 %). Староверы – 1,75 %. Последователи римско-католической церкви – 9,13 %, лютеране – 2,84 %. Мусульмане – 11,07 %. Иудеи – 4,15 %. Число верующих других религий и конфессий составляло менее 1 % [11].

Грамотными, согласно переписи, назвали себя 26 569 585 человек – 21,1 % населения. Среди городского населения процент грамотных достигал 45,3 %. Это позволило составителям итогового отчета говорить о том, что «высота грамотности в России крайне невелика» [12].

Образование выше начального уровня во всей империи имели только 1,102 %. Причем «только» [13] в данном случае – фраза самих авторов сводного отчета, как и скрупулезно вычисленное с точностью до третьего знака после запятой число. Математически оно в данном случае совершенно бессмысленно, это политический манифест. Тем более что авторы подчеркивают: «Надо иметь в виду, что приведенные цифровые величины не указывают исчерпывающим образом численность лиц действительно закончивших свое образование, – они лишь свидетельствуют, что столько-то из них обучались в таких или иных заведениях, а сколько из них окончило, неизвестно» [14].

То есть перед нами хорошо скрытая, но все же едкая ирония, из которой следует, что число лиц с образованием выше начального на самом деле еще меньше.

- [1] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.1. СПб., 1905. С. III.
- [2] Там же.
- [3] Там же.
- [4] Там же. С. IV.
- [5] Там же.
- [6] Там же.
- [7] Там же. С. VIII.
- [8] Там же.
- [9] Там же. С. XIII.
- [10] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Издание Центрального Статистического комитета МВД. Вып. 8 «Процентное распределение наличного населения империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как доставляющие главнейшие средства существования». СПб., 1905. С. 4–5.
- [11] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.1. СПб., 1905. С. XV.
- [12] Там же. С. XVI.
- [13] Там же. С. XVII.
- [14] Там же. С. XVII.

Глава 5

Сбережение народонаселения

Все мы помним, сколь серьезной демографической катастрофой обернулось разрушение СССР и последовавшие годы шоковых реформ. Немало правильных слов было сказано о подорванной системе воспроизводства народа и фактическом вымирании России как в силу конкретно-экономических факторов, так и из-за утраты

населением цели и уверенности в завтрашнем дне. Между тем работы историков (даже советских, не дореволюционных) свидетельствовали, что население Российской империи в период с начала XIX по начало XX века как минимум утроилось, по некоторым статистическим данным – возросло в 3,5 раза [1]. Этот рост представлялся даже не линейным, а интенсивным – после 1861 года, например, он ощутимо ускорился.

Многие авторы не удержались от простых аналогий: спад рождаемости и сокращение населения на фоне кризиса государственности и бедственного положения сегодня – и феноменальный рост населения в дореволюционной России. Лежащий на поверхности вывод – социально-экономического кризиса и кризиса государственности в те годы не было. Большевики постфактум выдумали и внушили целым поколениям представление о зревшей годами и даже десятилетиями революционной ситуации.

К сожалению, дальше такая логика вела в дебри конспирологии, к рассуждениям о заговорах и действиях иностранных спецслужб. Принципиальная ошибка крылась в попытке сравнивать несравнимое – постсоветскую (постреволюционную, если считать 1991 год революцией) ситуацию с предреволюционной 1910-х. Куда корректнее было бы сравнивать 1990-е в РФ с 1920-ми годами Советской России или же безоблачное начало 1980-х в СССР с 1910-ми годами Российской империи.

Как бы то ни было, динамика численности населения страны XIX – начала XX века стала предметом общественной дискуссии и заслуживает отдельного рассмотрения. Сразу отметим, что здесь мы встаем на зыбкую почву предположений и различных оценок, споры о демографии дореволюционной России не закончатся, видимо, никогда – с состоянием государственной статистики страны мы уже познакомились. Но другой статистики у нас нет.

Представления о численности населения на начало XIX века мы имеем только самые примерные. Исследователи выводят оценочные числа, исходя из результатов проводимых с петровских времен подушных ревизий, которые были обследованиями не демографическими, а фискальными. Соответственно, охватыва-

ли ревизии преимущественно податное население (которое по очевидным причинам всеми силами старалось от переписи уклониться). Ревизии никогда не охватывали всей территории страны, например, их не распространяли на Польшу, Финляндию, Закавказье [2]. Тем не менее определенное представление о числе жителей они давали.

В рассматриваемый нами период было проведено две ревизии – 6-я в 1811 году и 7-я в 1815-м. Население (центральной России) по 6-й ревизии оценивалось в 42,7 млн душ; по 7-й – в 43,9 млн душ [3]. Уже по этим данным видна вся абстрактность результатов такого обследования: в 1815 году ревизию было решено провести, чтобы при взимании налогов учесть потери населения в ходе Отечественной войны 1812 года. Академик Петербургской академии наук, статистик П.И. Кеппен писал: «Эта новая народная перепись была предпринята по случаю потери в людях от нашествия неприятельского, дабы таким образом отменить платеж за убылые души» [4]. А выяснилось, что населения только прибывало...

«Сказки (ревизские сказки, т. е. переписные листы. – *Д.Л.*) писались по-прежнему помещиками, магистратами, ратушами, сельскими властями, – отмечали дореволюционные исследователи ревизий в эти годы. – Хотя манифесты обеих ревизий (6-й и 7-й) и приказывали писать в сказки “наличных людей”, однако, по-прежнему, переписывалось одно юридическое (приписное) население, а не фактическое; в сказку, кроме наличного приписного населения, записывались и временно-отсутствующие, так как подати с временно-отсутствующих всегда взимались на месте их оседлости» [5].

Оценка численности населения на середину века дана в Статистическом временнике Центрального статистического комитета МВД 1866 года. Недостаточность исходных данных и относительность опубликованных чисел, как мы помним, признавали сами авторы сборника. Но опять же, иных данных взять неоткуда. Население Европейской России по «Временнику» составляло 60 909 309 душ [6].

Наиболее точная оценка численности населения Российской империи приходится на конец XIX века. Она дана в результатах первой всеобщей переписи населения 1897 года. Напомним, что ревизии и оценки середины века охватывали только Европейскую Россию без Финляндии и Польши. Для тех же территорий конца века (50 губерний Европейской России без Финляндии и Польши) результаты всеобщей переписи таковы: 93 442 864 человека [7].

Рост населения Европейской России в 1811–1897 годах, следовательно, можно оценить в 50,7 млн человек. Причем с 1811 по 1866 год число подданных возросло «лишь» на 18 млн, а во второй половине века – на 32,5 млн.

Оценки демографических процессов последующих лет дает Статистический ежегодник России ЦСК МВД. Так, в сборнике за 1910 год сказано: «Видно, что движение населения в 50 губерниях Европейской России, в среднем за пять последовательных лет (1900–1904 гг.), представляется так: рождаемость на 1 000 душ населения – 48,6, смертность на 1 000 – 30,9, естественный прирост на душу населения – 17,7» [8].

Далее читаем: «К 1-му января 1910 года численность населения России определяется в 160.748.400 человек, а вместе с финляндскими губерниями, общее население Империи выразится цифрой в 163.778.800 душ обоего пола. Со времени переписи 1897 года население Империи увеличилось на 36.882.600 лиц, что составляет 29,1 %» [9].

В Статистическом ежегоднике за 1914 год дана оценка динамики численности населения за период с 1907 по 1912 год: «Население Империи (с Финляндией) в течение последних пяти лет (1907–1912 гг.) увеличилось на 19 050 600 д[уш] об[оего] пола, причем сельское население – на 14 692 д. об. пола, городское – на 4 358 600 д. об. п., что составляет ежегодный средний прирост 23,3 на 1 000 жителей» [10].

Отметим, что в последних цитатах речь идет уже о Российской империи в целом. И здесь крайне любопытно посмотреть, как прирастают те или иные регионы огромной страны.

Средний рост населения на 1 000 жителей (с 1907 по 1912 г.):

В Европейской России – 17,2 у сельского населения, 34,0 у городского.

В Привисленском крае – 24,8 у сельского населения, 38,3 у городского.

На Кавказе – 24,7 у сельского населения, 57,7 у городского.

В Сибири – 62,0 у сельского населения, 124,0 у городского.

В среднеазиатских областях – 30,9 у сельского населения, 48,9 у городского.

В Финляндских губерниях – 10,9 у сельского населения, 34,2 у городского [11].

Авторы «Ежегодника» сразу оговариваются, что столь феноменальный рост населения в городах обусловлен не столько естественным (превышение рождаемости над смертностью), сколько механическим приростом. То есть речь идет об увеличении территории городов и о росте их населения за счет приходящих в города людей [12].

Еще раз отметим, что исследователи критически подходят к данным ЦСК МВД, обвиняя статистический орган в завышении многих показателей, в том числе и данных о рождаемости и росте населения [13]. Но – только в завышении. Положительной демографической динамики в Российской империи этого периода никто не отрицает.

Рождаемость, согласно данным ЦСК МВД, больше всего у православного населения империи – 51,1 на тысячу душ населения. У мусульманского населения этот показатель составляет 43,9, у католиков – 36,5, у протестантов – 29,2 [14]. И вот эти цифры уже вызывают серьезное недоумение. Как мы видели из предыдущего блока демографической информации, именно в православной Европейской России средний прирост населения наименьший по империи (17,2 на тысячу жителей). На Кавказе или в Средней Азии (24,7; 30,9) он ощутимо выше.

Объяснение кроется в данных о смертности. На тысячу душ населения смертность у представителей разных конфессий за 1907–1912 годы распределяется так:

- У православных – 32,9.
- У мусульман – 26,2.
- У католиков – 23,0.
- У протестантов – 18,4 [15].

Таким образом, смертность в империи наивысшая также среди православных подданных.

И совсем уж удручающую картину рисует возрастной состав умерших. На каждую тысячу смертей приходится: детей от рождения до года – 399,5; детей от года до 5 лет – 207; детей от 5 до 10 лет – 43,9; от 10 до 15 лет – 17,2; от 15 до 20 лет – 19,2; от 20 до 25 лет – 20; от 25 до 30 лет – 19,6. Далее в возрастных группах цифры смертности колеблются в районе 20, существенно возрастая лишь к 55–60–65 годам – 26,9; 30,5; 32 [16].

Налицо катастрофическая сверхсмертность детей в возрасте от 0 до 10 лет. На эту группу вообще приходится подавляющее большинство смертей.

При ближайшем рассмотрении, таким образом, демографическая ситуация в Российской империи уже не кажется столь идеальной. Дьявол, как обычно, кроется в деталях. На фоне общего демографического бума именно в Европейской России прирост населения наименьший, и именно у православного населения империи самые высокие показатели смертности.

Еще один характерный пример: в Европейской России середины XIX века *сокращалась* численность крепостных крестьян [17]. Министр финансов империи Н.Х. Бунге писал об этой убыли, что она «тем более поразительна, что ее нельзя объяснить ни перечислением в сословие крестьян государственных, ни отпущением на волю» [18]. Действительно, она объяснялась только медленным вымиранием основной производительной силы дореформенного государства.

Притом, что среди свободных крестьян наблюдался естественный прирост населения.

- [1] *Рашин А.* Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956 (Электронная версия, 1 файл .fb2).
- [2] Ревизии // Советская историческая энциклопедия. Электронная версия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/14582/%D0%A0%D0%95%D0%92%D0%98%D0%97%D0%98%D0%98> (дата обращения 25.08.16).
- [3] Там же.
- [4] *Рашин А.* Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956 (Электронная версия, 1 файл .fb2).
- [5] Там же.
- [6] Статистический временник Российской империи. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1866. Раздел I. С. 5.
- [7] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 1. С. III.
- [8] Статистический ежегодник России, 1910 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1911. С. 602.
- [9] Там же. С. 59.
- [10] Статистический ежегодник России, 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1914. Раздел II. С. 4–5.
- [11] Там же.
- [12] Там же.
- [13] *Рашин А.* Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956 (Электронная версия, 1 файл .fb2).
- [14] Статистический ежегодник России, 1910 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1911. С. 602.
- [15] Там же.
- [16] Там же. С. 603.

[17] *Рашии А.* Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956 (Электронная версия, 1 файл .fb2).

[18] Там же.

Глава 6

Россия и другие страны, сравнение на наличном материале

Сами по себе приведенные выше данные могут вызывать различные оценки, но для характеристики как государственной статистики Российской империи в целом, так и для демографической ситуации в стране в частности они очевидно не полны — без сравнения с аналогичными показателями других стран мира на том же самом временном отрезке. Вдруг показатели, вызывающие оторопь с современных позиций, были в общем характерны для развития цивилизации тех лет?

Задача не так проста, как кажется. С одной стороны, неполной, а часто сомнительной является статистика дореволюционной России, те или иные данные не раз подвергались переоценке с привлечением различных статистико-математических теорий как до революции, так и после. С другой — средний читатель не имеет доступа к статистическим данным даже и ведущих европейских держав XIX — начала XX века. При желании нетрудно подобрать такие показатели (и сопоставить их с удобными показателями по империи), которые покажут Россию в выгодном (а выгода у каждого своя) свете.

Прекрасно осознавая, что любые подозрения в тенденциозности ведут на этом пути либо к обвинениям в умышленной демонизации дореволюционного периода, либо к его необоснованному восхвалению, остановимся лишь на тех сравнениях, которые приводили в своих работах сами дореволюционные статистики. Причем из общего числа возьмем лишь издания государственных органов, то есть официальные.

Прежде всего попытаемся соотнести уровни развития государственной статистики в целом – в России и в других странах. Такое сравнение можно найти во «Временнике» ЦСК МВД 1866 года. Рассуждая о неполноте сведений, получаемых в ходе ревизий, его авторы пропагандируют практику всеобщих переписей населения:

«Иную и несравненно более совершенную форму народоисчисления выработала наука в западно-европейских государствах, а именно форму *одновременной переписи наличного населения* (выделено в источнике. – *Д. Л.*)... Правительство, заботящееся о благосостоянии своих подданных, чувствует необходимость, для успеха всех мероприятий, направленных к этой цели, знать в точности не только количество и состав управляемого им населения, но и действительное распределение его по государственной территории. <...> Очевидно, что при такой громадной операции необходимо участие в ней множества лиц (счетчиков), вербуемых разумеется между грамотными и сколько-нибудь развитыми слоями общества. Такое участие может быть достигнуто или при помощи значительных расходов (как например в Англии), или при деятельной и безвозмездной помощи самого народонаселения, которое в таком самоисчислении видит непосредственную для себя пользу (как например в Пруссии). Международные статистические конгрессы <...> имели последствием распространение опытов подобного народоисчисления во всех европейских государствах» [1].

Действительно, начало переписям населения в современном их понимании было положено еще в конце XVIII – начале XIX века. В 1790 году попытка переписи была осуществлена в США, в 1800-м в Швеции, в 1801-м в Англии, Дании, Норвегии, Франции [2]. Эти переписи пока еще учитывали ограниченное число признаков, но с ними нарабатывалась необходимая методология, переписи становились регулярными – каждые 10 лет в США и Англии, каждые 5 лет во Франции и Швеции, каждые 3–4 года в Австрии [3]. В 1846 году под руководством А. Кетле была осуществлена первая всеобщая однодневная перепись населения в Бельгии, которая учла строго наличное население, классифицировала его по ряду признаков и создала своего рода стандарт для таких мероприятий на будущее [4].

Напомним, что в Российской империи первая всеобщая перепись населения была осуществлена только в самом конце XIX века. В вопросах статистического обследования государства наша страна существенно отставала от практик Старого и Нового Света.

Теперь обратимся к соотнесению различных статистических показателей России и других стран. Приведенные ниже данные были опубликованы в Статистическом ежегоднике ЦСК МВД за 1913 год, то есть это не современные попытки играть с цифрами, а проведенные самими имперскими статистиками сравнения.

Численность населения [5]

Российская империя (с Финляндией)	174 млн;
Германия	65,1;
Австро-Венгрия	51,3;
Англия	45,4;
Франция	39,2;
С.А. Соединенные штаты	93,4;
Япония	51,6.
<i>(Для ряда стран, в т. ч. Германии, США, – данные 1910 года. Население стран указано без колоний.)</i>	

Показатели плотности населения Российской империи в сравнении с другими развитыми странами (в 1913 году) выглядели так:

Плотность населения [6]

России	9,1 человек на кв. версту;
С.А. Соединенных штатов	10,9;
Франции	83,1;
Австро-Венгрии	85,6;
Германии	127,7;
Англии	157,9;
Голландии	177,2.

**Соотношение сельского и городского населения
на 1913 год [7]**

Россия в целом по стране	городское население 14,2 %, сельское – 85,8 %;
Для Европейской России	13,2 % городского, 86,8 % сельского.
Англия и Уэльс	78 % городского и 22 % сельского населения;
Норвегия	72 и 28;
Германия	56,1 и 43,9;
Франция	41,2 и 58,8;
С.А. Соединенные штаты	41,5 и 58,5.

Из приведенных данных видно, что по плотности населения на квадратную версту Россия к 1913 году уступала даже США, не говоря уже о странах Старого Света. По уровню урбанизации наша страна серьезно отставала не только от государств Европы, что еще объяснимо нашими огромными территориями, но и от Северо-Американских Соединенных штатов.

Смертность в Российской империи и в других странах Европы на материале 1913 года сравнивало Управление главного врачебного инспектора МВД. Вот эти числа:

Смертность на 1 000 жителей [8]

Европейская Россия	27,4;
Франция	17,7;
Англия и Уэльс	13,7;
Ирландия	17,1;
Швеция	13,6;
Голландия	12,3.

В выпуске «Статистики России», посвященном младенческой смертности, приводятся сравнения этого показателя для России 1912 года и для ряда мировых стран.

Младенческая смертность (1912 г.) – родившихся живыми и умерших в возрасте до 1 года [9]

Россия	24,1 %;
Австрия	18 %;
Германия	14,7 %;
Великобритания	9,6 %;
Франция	7,8 %;
Япония	10,7 %.

Таким образом, в сравнении с развитыми странами того периода Россия являлась рекордсменом по всем показателям. И, за исключением территории, это были очень печальные рекорды.

[1] Статистический временник Российской империи. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1866. С. IX.

[2] Перепись населения // Демографический энциклопедический словарь. Электронная версия. URL: http://demography.academic.ru/2198/%D0%9F%D0%95%D0%A0%D0%95%D0%9F%D0%98%D0%A1%D0%AC_%D0%9D%D0%90%D0%A1%D0%95%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF (дата обращения 29.08.16).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Статистический ежегодник России, 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1914. Раздел I. С. 58.

[6] Там же. Раздел I. С. 59.

[7] Там же. Раздел I. С. 61.

[8] Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 год. Пг.: Управление главного врачебного инспектора МВД, 1915. С. 5.

[9] Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1912 году в Европейской России / Статистика России. Пг., 1918.